

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

М.М. Лебедева, М.В. Харкевич

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76

В статье рассматривается эволюция западных теорий международных отношений в постсоветской России, анализируется картина мира российских исследований, а также их рефлексия относительно эпистемологических оснований российской школы ТМО. В России продолжается плюрализация теоретических подходов, при этом на пути к доминирующей теории либерализм постепенно уступает место реализму. Популярность набирает конструктивизм, а теория постмодернизма остается без последователей. Российские международные исследования структурируются давней дискуссией об идентичности России, особенно о месте "Европы" в России и наоборот. Условные «западники» продолжают спорить с условными «славянофилами». Порой эти споры выливаются в требование поиска самостоятельных национальных теоретических оснований российской школы международных отношений, обостряя тем самым проблему эпистемологического релятивизма. В качестве таких оснований могут быть использованы русская духовная философия, тартуско-московская школа семиотики, русская культурология, постколониальная традиция в отечественной исторической науке.

Ключевые слова: теория, Россия, эпистемологический плюрализм, национальные школы.

■ Исследовательские статьи

Западные теории международных отношений в России

Российские международные исследования довольно разнообразны в плане их теоретических оснований. Появившаяся в конце 1980-х – начале 1990-х гг. тенденция к плюрализации международных исследований, о которой писали А.П. и П.А. Цыганковы [63], продолжает действовать и сегодня. Однако ситуации всё же отличаются. На начальных этапах становления российских международных исследований, когда происходил отход от марксизма-ленинизма, а также под влиянием перестройки в международных отношениях, во-первых, резко выросло разнообразие теоретических подходов. Тогда это было непривычно, сегодня разнообразие подходов – в общем, обычное явление. Во-вторых, в начальный период стала отчетливо прослеживаться либеральная ориентация. Нельзя сказать, что либерализм был тогда доминирующим направлением. Но он оказался заметным в исследованиях международных отношений в России. Возможно, отчасти это объясняется тем, что ранее либерализм был вообще не характерен для советской научной традиции.

В 1998 г. в Москве, в МГИМО была проведена международная конференция, посвященная 350-летию заключения Вестфальского мира. Проблематика политической организации современного мира, в основу которой были положены мирные договоры 1648 г. была новой для российских исследователей. Многие доклады, представленные на ней, были ориентированы на неолиберальный подход. В конце 1990-х – самом начале 2000-х гг. в рамках либеральной традиции печатаются статьи по глобализации [27, 33, 59], демократическому миру [28], негосударственным акторам мировой политике [32, 30], демократическим транзитам [39, 45], вопросам российско-американских отношений и проблемам безопасности [29], другим вопросам.

Российские либералы обращают внимание на прозрачность национальных границ и взаимозависимость мира, на активную деятельность негосударственных акторов на мировой арене, на роль международных институтов в мировой политике и т.п.

В целом либеральное направление в России – неоднородно. Причем, работы, выполненные в либеральной традиции, можно классифицировать по разным параметрам, в частности, А.П. и П.А. Цыганковы выделяют модернизаторов, ориентированных на западные ценности, институты и т.п.; институционалистов, выступающих за включение России в международные

институты и их реформирование; социал-демократов, которые также склонны поддерживать идею включения России в международные институты, но кроме этого отмечающие российское своеобразие [63].

Впрочем, либерализм не един и в других странах. Либерализм, ориентированный на восприятие целостности мира, взаимозависимости его частей в большей степени, чем другие теоретические течения, является «космополитичным». Поэтому, отчасти, можно согласиться с Цыганковыми, что либерализм, в том числе российский либерализм, в наибольшей степени остается наиболее независимой теорией [62], но только в том смысле, что он в меньшей степени ориентируется на национальную специфику. В то же время, поскольку мир живет в «западной» (Вестфальской) модели мира, то он отражает её черты. В этом отношении трудно говорить о какой-то зависимости теоретических подходов, разве что о «зависимости» от реальности. Кстати, реализм, неомарксизм, и другие подходы также являются западными и поэтому тоже являются «зависимыми».

За 25-летний период истории постсоветской России либеральное направление эволюционировало, став менее радикальным по ряду вопросов. Так, если в 1990-х гг. в России нередко предлагались идеи тесного сближения с европейскими и евроатлантическими структурами, частичный отказ от суверенитета¹, то в настоящее время подобных работ практически нет. Когда речь идет о месте России в современном мире, в основном, обсуждаются вопросы взаимоотношения России и Запада, а не включение России в западные структуры². Проблемы экологии и климата³, вопросы безопасности [20], политической организации мира [31] и другие вопросы – также в фокусе дискуссий, затрагивающих внешнеполитические вопросы.

Либерализм не стал распространённым теоретическим подходом в российских международных исследованиях. Довольно скоро он начал явно вытесняться другими подходами. В начале 2000-х гг. особой популярностью стала пользоваться *геополитика*. Надо сказать, что первоначально российская геополитика в ряде случаев имела мало общего с соответствующим теоретическим течением на Западе. Появившийся в конце 1990-х гг. учебник К.С. Гаджиева «Геополитика», выдержавший несколько изданий, а также и его учебник «Введение в геополитику» [17, 18], хотя и содержали главы по истории развития геополитики, по существу были учебниками по международным отношениям, выполненными, скорее, в реалистской традиции.

¹ Россия в поисках стратегической стабильности. «Круглый стол» 14.02.2002. Фонд «Либеральная миссия». Available at: <http://www.liberal.ru/articles/832>

² Россия в глобальном мире и как этот мир влияет на Россию. «Круглый стол» 16.05.2013. Фонд «Либеральная миссия». Available at: <http://www.liberal.ru/articles/6145>.

³ Фонд Либеральная миссия. «Круглый стол» «Мир на пороге зеленой революции» 05.04.2016. Available at: <http://www.liberal.ru/articles/7030>

Внимание к геополитике со стороны российских авторов, как представляется, обусловлено, прежде всего, самим термином, который, если отвлечься от его идеологического наполнения, предполагал рассмотрение географического фактора в политике. В советский период геополитика, как термин, так и теория, были под негласным запретом, поскольку в свое время получили официальное признание в фашистской Германии. Кроме того, геополитика противоречила положению марксизма-ленинизма о классовом характере международных отношений, что фактически сводило к минимуму географический фактор. В конце XX столетия снятие в стране запретов на использование различных теоретических подходов к международным отношениям привлекло внимание среди прочих и к геополитике. Но не это всё же было главным фактором бурного развития геополитических исследований в России. Во многом её географическое положение, а именно, большая протяженность территории, расположенность как в Европе, так и в Азии, сыграли основную роль в том, что геополитика оказалась привлекательна для российских авторов. К тому же, ряд профессиональных групп, в частности, военные видели политику во многом в её географическом измерении.

Спектр авторов, пишущих в рамках геополитики, довольно широк: от достаточно одиозного, хотя и часто цитируемого А. Дугина, до умеренных авторов, которые отчасти отошли от геополитики, сделав акцент на политико-экономические связи евразийского региона. Географическое положение России сделало привлекательным геополитику для представителей евразийского направления. Однако, как замечает А.П. Цыганков, российские геополитики, несмотря на свое отрицательное отношение к Западу, активно заимствуют западные теории [47].

В целом геополитика в России, пережив бум в начале 2000-х гг. в значительной степени с фокусом на военно-стратегические аспекты, сегодня не представляет собой целостного течения. В то же время публикуются статьи по геополитике и выходят монографии. Однако то, что понимается под термином «геополитика» в современных российских исследованиях оказывается весьма расплывчатым.

Со второй половины 2010-х гг. *реализм*, пожалуй, становится преобладающим теоретическим подходом в российских международных исследованиях. Хотя, как и другие направления в теориях международных отношений, он также разнообразен и зачастую принимает формы, которые его сближают с либерализмом и иными теоретическими конструкциями. В рамках реализма выполнено абсолютное большинство работ по анализу двухсторонних отношений [48, 16], проблем международной безопасности и отношения России и НАТО [50], а также вопросам миропорядка.

Разумеется, реализм в России возник не в 2000-х гг. Его корни в советском периоде, когда формировался «интуитивный реализм». В конце 1980-х – начале 1990-х гг. несмотря на всплеск либерализма, реалистское направление продолжало существовать и перешло от «интуитивного реализма» к тем формам, которые существуют в современном мире. Развитие либерализма побудило представителей реализма в начале 1990-х гг. обратить «внимание на то, что произошло смешение двух близких, но, в сущности, совершенно не тождественных понятий – политико-ценностных ориентаций Российской Федерации и российского национального интереса» [49].

Проблема мирового порядка является одной из центральных в работах реалистов и широко обсуждается в литературе. Реалисты видят мировой порядок исключительно как конфигурацию ведущих государств мира. Отсюда большое внимание уделяется критериям лидерства на мировой арене, политике ведущих государств, распределению зон влияния и т.п. [36, 46].

Интересно, что, начиная с 1990-х гг. фиксировалась однополярность мира и подчеркивалась несостоятельность такой системы международных отношений, в связи с чем формулировалась идея перехода к многополярной системе. Необходимость построения многополярного мира неоднократно заявлялась Е.М. Примаковым [42], а затем получила развитие во многих работах российских политиков и исследователей. Требование многополярности звучало довольно чётко. Так, Д. Рогозин писал, что: «если мир будет сохраняться как однополярный, он будет просто уничтожен.... Поэтому в перспективе мир может быть только многополярным» [43]. Интересно, что ориентация на желаемое будущее фактически сближает позиции реалистов с либералами, особенно с теми, кто в начале XX в. говорил о необходимости разоружения, создания международных организаций для укрепления мира и т.п.

Надо сказать, что такое «размывание» теоретических подходов довольно типично в прикладных исследованиях. Например, в работах Е.М. Примакова, которые в основном выдержаны в реалистской традиции, появляются сюжеты, связанные, в частности, с неомарксизмом. Так, он обосновывает многополярность на основе марксистского тезиса о развитии производительных сил. Согласно, Е.М. Примакову именно развитие производительных сил формирует мировые центры Китая, Индии и России. Когда же он пишет о том, что современные центры взаимозависимы. В этом отношении многополярность, согласно Е.М. Примакову, не несёт в себе противопоставление центров, а также не предполагает их непременно конфронтацию [41]. Здесь проявляется либеральное направление. Вряд ли стоит обвинять Е.М. Примакова в эклектизме. Очевидно, что реальность всегда богаче любого теоретического направления,

■ Исследовательские статьи

на что обратили внимание в свое время П. Каценштайн и Р. Сил [53]. Поэтому, анализирую реальность, Е.М. Примаков прибегал к разным теоретическим подходам.

При определении внешнеполитического курса России дискуссия внутри реалистского направления разворачивается о том, как в географическом отношении должны быть расставлены приоритеты: должна ли Россия в большей степени ориентироваться на СНГ, Китай и другие страны Востока, или США и Западную Европу? [58].

Неомарксизм, понимаемый в самом широком смысле (включая современный марксизм-ленинизм), в российской политической науке в большей степени проявляется при анализе внутривнутриполитической ситуации, но и в международных исследованиях можно обнаружить неомарксистскую направленность.

Корни российского неомарксизма лежат отчасти в советском периоде, но это только отчасти. Марксизм-ленинизм является особым направлением, нетождественным марксизму, а по оценкам отдельных исследователей марксизм как метод анализа имел вообще мало общего с марксизмом-ленинизмом [25]. Например, Е.М. Примаков возражает против тезиса марксизма-ленинизма о неизбежности мировой революции и непримиримых противоречиях между государствами с различными политическими устройствами [41].

Итак, в российских международных исследованиях, можно проследить противопоставление марксизма и марксизма-ленинизма. Тем не менее некоторые авторы, особенно те, кто выступает с резкой критикой «перестройки», а также российских реформ, последовавших после 1991 г., продолжают следовать многим классическим принципам марксизма-ленинизма. Так, Н.С. Леонов исходит из наличия непримиримых противоречия между социализмом и капитализмом и продолжает холодную войну Запада против России [35].

В то же время А.Н. Косолапов указывает, что системный анализ и принцип историзма, взятые из марксизма, являются важными инструментами для анализа современных международных отношений [25].

При проведении прикладных работ прослеживается марксистская ориентация в анализе ряда проблем, таких как например, отношения между «Глобальным Севером» и «Глобальном Югом» [14]. Есть также работы, выполненные в рамках мир-системного анализа и теории зависимости, но все они не образуют mainstream российских международных исследований.

Прикладных исследований по международным отношениям, выполненных в пост-модернистских традициях, в России крайне мало. Хотя есть ряд интересных работ, которые в той или иной степени отражают пост-модернистское направление [57, 21]. В последние годы популярность стал приобретать конструктивизм.

Картина мира российских исследователей-международников

Представления о теоретических направлениях и дискуссиях в российских международных исследованиях будет неполным, если из него исключить более общую картину мира российских исследователей. На необходимость такого широкого рассмотрения теоретических позиций ученых указывали, в частности Х. Алкер и Т. Бирстекер [52], а из российских авторов – А.П. Цыганков [47]. Представляется, что для России картина мира исследователей, занимающихся изучением международных отношений, является особенно важной, поскольку традиционно в ней ведутся споры между западниками и славянофилами, т.е. между западной ориентацией, и теми, кто выступает за самобытный путь развития России. Эта хорошо показано в работах А.П. Цыганкова [60]. Однако проблема не ограничивается географической ориентацией российских исследователей и их пониманием современной роли государства: являются ли они государственниками (ориентированными на сильное государство), или нет, о чём писал А.П. Цыганков [61]. Очевидно, что «западники» придерживаются в основном либеральных традиций в международных исследованиях, в то время как реалисты представлены, главным образом, «государственниками» («державниками»), а для славянофилов характерна евразийская ориентация, что отражает взгляды как реалистов, так и геополитиков.

Картина мира российских исследователей международных отношений представлена более широкой палитрой красок, чем только цивилизационных. В неё входят, прежде всего, представления о политической организации современного мира. Российские исследователи, не зависимо от теоретической направленности или цивилизационных взглядов, почти одинаково воспринимали политическую организацию современного мира. Она воспринимается ими через национальные государства с их суверенитетами. Отсюда большое внимание в российских исследованиях уделяется проблеме национального суверенитета [22, 23]. В этом отношении российские исследования хорошо отражают тот факт, что Россия в классификации государств – Вестфальские, довестфальские и поствестфальские – относится к категории Вестфальских государств.

Вопросы Вестфальской системы мира, которые интенсивно обсуждались в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в исследованиях второй половины 2010-х гг., оказались на периферии исследовательского интереса. Подобных работ немного [31]. Изучение межгосударственных отношений, государств-лидеров определяет основные исследовательские направления. Данная ситуация обусловлена во многом бурным развитием реализма в России. Этот mainstream повлек за собой и то, что проблема трансформации политической организа-

ции мира сводится к поиску новой структуры межгосударственных отношений после распада биполярной системы, что является одной из наиболее обсуждаемых проблем в современных российских международных отношениях. Примечательно, что не только реалисты заняты обсуждением структуры межгосударственных отношений, но также и те, кто позиционировал себя, скорее, как представители либерального направления [8, 9, 10].

При рассмотрении проблем глобального управления представители либерального направления также нередко воспринимают его с точки зрения укрепления исключительно международных институтов [7], хотя есть и работы, в которых подчеркивается необходимость системы многоуровневого глобального управления, причем как представителями либерализма и конструктивизма [34], так и теми, кто чаще придерживается реалистской ориентации в международных исследованиях [4].

На восприятие картины политической организации мира влияет базовое образование российских исследователей. Особенно явно это проявлялось в 1990-х – начале 2000-х гг., когда происходило становление российских международных исследований. А.Д. Богатуров выделил две школы в российской науке: политико-социологическую (мирополитическую) и историко-международную. Представители первой школы являлись в основном выпускниками и сотрудниками философского, социологического, психологического факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова. Представители второй школы – исследователи, получившие образование в МГИМО и на исторических факультетах различных университетов страны [13]. В последующие годы это деление на две школы стало размываться: такое образование перестало быть ключевым критерием водораздела.

Мирополитическая школа инициировала дискуссию в российских журналах о предметных областях мировой политики и международных отношений. Если в американской и европейской литературе между этими дисциплинами нет четких различий, и оба понятия используются как часто синонимы, то в российской политической науке было предложено их различать: международные отношения как традиционные межгосударственные отношения, а мировая политика – как более широкое понятие, включающая в себя весь комплекс взаимодействия на мировой арене [30]. Были и другие попытки определения понятия мировой политики, например, предлагалось её понимать в качестве «нерасчлененной суммы внешних и внутренних политик» [13]. П.А. Цыганков даёт следующие характеристики мировой политики. Во-первых, мировая политика подчеркивает наличие феномена транснационализации. Причем, как он отмечает, происходит не только воздействие внутреннего мира во внешний, но и обратный процесс: проникновение внешнего

во внутригосударственные отношения. Во-вторых, мировая политика указывает на активность негосударственных акторов, образующих сетевые взаимоотношения. В-третьих, в фокусе мировой политики оказывается «многообразные проявления взаимозависимости и признаки формирования управляемого мирового сообщества» [64, с. 16].

Ещё один из параметров картины мира исследователей определяется тем, воспринимается ли ими мир как целостное образование, или преимущественно как совокупность регионов [44], которые взаимодействуют между собой и в значительной степени конкурируют [19]. Большинство международных исследований в России в настоящее время, скорее, представлено вторым направлением. Причины в том, что, во-первых, традиционно, региональные исследования были широко представлены в национальной науке. Особенно были развиты восточные исследования. В настоящее время большое внимание уделяется Китаю [15], Индии [37], другим странам АТР, безусловно, в центре внимания российских исследователей США и Европа, а также страны постсоветского пространства. В последние годы больше интереса стало проявляться к Латинской Америке. В связи с событиями «арабской весны» резко возросло количество публикаций по Ближнему Востоку и странам Северной Африки. В меньшей степени в фокусе внимания оказываются страны африканские страны к югу от Сахары, за исключением, пожалуй, Южной Африки. Во-вторых, в практическом плане (а международные исследования в России в значительной степени ориентированы на практику), изучение стран и регионов более востребовано, нежели общие рассуждения о развитии международных отношений и глобальных проблемах. В-третьих, в современном мире выстраиваются новые объединения, одним из инициаторов или центром которых является Россия: БРИКС, Евразийский экономических союз, ШОС, ОДКБ и другие. Соответственно, эти объединения привлекают внимание исследователей, в том числе, и в сравнительном ракурсе [6, 40, 5, 26]. В значительной части все этих исследований различные аспекты рассматриваются через определение места и роли России.

Рефлексия теоретических подходов в работах российских исследователей

Внимание непосредственно к теоретическим подходам, осмысление теоретических подходов является заметной частью научного дискурса российских международных исследований. Однако этот дискурс охватывает не большой круг российских ученых.

Причин интереса к теоретическим вопросам несколько. Отсутствие в прошлом не только исследований по теоретическим проблемам, но и даже знакомства с зарубежными работами по теориям международных отношений, безусловно, породил серию публикаций по изложению

■ Исследовательские статьи

основных теоретических направлений, которая была направлена на освоение зарубежного опыта. Кроме того, сильные философские традиции в России явились хорошей основой для восприятия теоретических работ по международным отношениям российскими исследователями. Наконец, важным в развитии теоретических исследований является личностный фактор. Целый ряд отечественных авторов, в том числе Т.А. Алексеева, В.Н. Конишев, А.А. Сергунин, А.П. Цыганков, П.А. Цыганков и ряд других задают тон дискуссии.

Что касается небольшого круга российских исследователей, вовлеченных в обсуждение теоретических вопросов, то и это объясняется наследием прошлого. В советских период фактически единственным формой представления материала по международным отношениям было эссе, не предполагающее обсуждение теоретических подходов. Для многих современных авторов этот формат по-прежнему остался единственным. Впрочем, теоретические работы вряд ли могут где-либо и когда-либо иметь массовый характер. Большинство исследований по международным отношениям, как в России, так и в мире все же представлено прикладными работами.

В рамках теоретических направлений исследований российских авторов А.П. Цыганков выделяет две группы: универсалистов и изоляционистов. Первые видят необходимость интеграции российских международных исследований в западные. Вторые рассматривают такой путь как неприемлемый, ведущий фактически ликвидации российской специфики и российских теоретических исследований. Эти два направления отражают ценностные ориентиры «западников» и «почвенников» [47]. А.П. Цыганков исходит из того, что российская теория международных отношений не может развиваться, с одной стороны, без взаимодействия с общемировой наукой, с другой – без обращения к анализу русской мысли.

В выделении «западников» и «почвенников», а также общемировой науки и «русской мысли» содержится более глубокая проблема эпистемологического универсализма/партикуляризма в общественных науках в целом. В ТМО этот вопрос обострился после становления и развития в ней постпозитивизма [54]. Существование различных национальных школ в теории международных отношений можно интерпретировать теперь по-другому. Это либо национальные сообщества ученых, которые тем не менее объединены общим пониманием науки (как правило позитивистским), либо это «национальные» версии общественной науки как таковой. Если первый вариант, тогда в каждой стране и нации можно искать и находить своих «реалистов», «либералов», «конструктивистов». Они будут цитировать общемировых (как правило, американских) авторов, пользоваться общемировыми методами поиска и проверки

ответов на исследовательские вопросы (как правило, позитивистскими). Если интерпретировать национальные школы вторым способом, тогда следует говорить о «русской теории международных отношений», «французской теории международных отношений» и т.д., подразумевая, что национальные школы – это по сути парадигмы, которые характеризуются в том числе обнаруженной Т. Куном межпарадигмальной несовместимостью. Любопытно, что популярная сейчас в России концепция «полицентричности» (ранее «многополярности») иногда понимается в отечественных исследованиях как всеобъемлющая характеристика современного мира, т.е. она относится не только к политической, но в том числе и к эпистемологической сфере [55]. Таким образом, призыв к взаимодействию с мировой наукой и к использованию русской мысли может означать как дополнение универсальных парадигм, таких как реализм и либерализм, результатами исследований кейсов с российской эмпирикой (что обычно ожидается нашими западными коллегами), а также поиском либеральных или реалистских идей у русских мыслителей, так и построение национальной школы международных отношений на самостоятельном парадигмальном основании и объявление эпистемологического суверенитета России в ТМО с требованием к другим государствам соблюдения межпарадигмального равноправия и взаимного эпистемологического уважения. К первой позиции скорее тяготеют «западники», ко второй – «почвенники». Путь «почвенников» гораздо сложнее «западников», поэтому последние продвинулись дальше первых. Мы можем говорить о российских либералах и реалистах, но утверждать, что существует российская парадигма ТМО пока преждевременно.

Следует отметить, что поиск русской парадигмы ТМО может осуществляться только на постпозитивистских началах, т.к. позитивизм универсален. В этом смысле хорошим подспорьем может оказаться русская духовная философия [12], тартуско-московская школа семиотики [38] и культурология. Потенциал для российской парадигмы ТМО также содержит в себе постколониальная традиция. С одной стороны, с помощью этой традиции можно описывать отношения между Россией и Западом [56], так и политическую историю самой России, с другой [51].

В качестве примера возможного вклада отечественной культурологии можно привести исследования М.М. Бахтина, его представления о диалоге. Понятие «диалог» является одним из наиболее распространенных понятий в международных отношениях. Однако нередко здесь оно используется для обозначения обмена информацией, заявлений позиций, встреч представителей и т.п. Подобный «диалог» порой не только не ведёт к взаимопониманию, но иногда обостряет конфликт. Принципиально

иное понимание диалога содержится в работах М.М. Бахтина. Для него он выступает прежде всего как взаимовлияние и взаимоизменения участников общения. М.М. Бахтин пишет: «Утвердить чужое «я» не как объект, а как другой субъект – таков принцип мировоззрения Достоевского» [11, с. 11]. Применительно к международным отношениям и мировой политике диалог по своей сути является противоположностью различных манипулятивных технологий. Он не может быть односторонним, он всегда имеет «двухстороннее движение». Диалог требует времени и знаний своей, а также другой культуры. А его результат – изменение обоих субъектов.

Удивительно, но на этот факт мало кто обращает внимание в международных исследованиях. Даже те авторы, которые подчёркивают необходимость не только силового взаимодействия на международной арене, часто исходят из того, что воздействие является односторонним. В лучшем случае говорится о необходимости обратной связи с партнером по диалогу. Изменения обоих субъектов в ходе диалога практически выпадает из анализа.

Логическим продолжением подхода к теории МО, как совокупности знаний и представлений не только российской культуры но и в целом человечеством, является направление предложенное Т.А. Алексеевой. Она видит теорию международных отношений как часть современной политической мысли, поэтому ее разработка не может быть в отрыве от политической философии и в целом от политической теории [1]. Более того, теория должна вобрать в себя знания даже из естественных наук. Именно по этой причине в фокусе анализа Т.А. Алексеевой, А.П. Минеева, И.Д. Лошкарёва [2] оказалась одна из последних книг А. Вендта, посвященная гипотезе «квантового разума» [65].

Таким образом, теоретические исследования развиваются в России. Здесь вряд ли стоит говорить о слишком затяжном этапе овладения мировым теоретическим наследием или быть критично настроенным относительно отсутствия теоретических направлений, разработанных в России. Можно, наверное, лишь констатировать, что Россия имеет хороший потенциал для вклада в общемировую теорию международных отношений.

Список литературы

1. Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX-XXI вв.). Политическая теория и международные отношения. Москва: Аспект Пресс, 2015. 623 с.
2. Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д. «Земля смятения»: квантовая теория в международных отношениях? // Вестник МГИМО-Университета. 2016. №3. С. 7-16.
3. Ильин М.В., Кудряшова И.В. (ред.). Асимметрия мировой системы суверенитета. Зоны проблемной государственности. Москва: МГИМО, 2011. 248 с.
4. Афонцев С.А. Будущее глобального управления. Москва: РСМД, 2013. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2517#top-content
5. Афонцев С.А., Лебедева М.М. (ред.). Россия в современных интеграционных процессах. Москва: МГИМО, 2014. 312 с.
6. Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели зарубежной интеграции в зарубежной Европе и тихоокеанской Азии. Москва: Аспект Пресс, 2012. 256 с.
7. Барабанов О.Н., Голицын В.А., Терещенко В.В. Глобальное управление. Москва: МГИМО-Университет, 2006. 256 с.
8. Барановский В.Г. Основные параметры современной системы международных отношений (Часть I). // Полис. Политические исследования. 2012. № 3. С. 36-44
9. Барановский В.Г. Основные параметры современной системы международных отношений. Часть II. Качественные параметры. // Полис. Политические исследования. 2012. № 4. С. 63-73
10. Барановский В.Г. Основные параметры современной системы международных отношений (Часть III). Функционирование международной системы. // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 148-158
11. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 470 с.
12. Бердяев Н.А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. М.: Азбука-Аттикус, 2015. 320 с.
13. Богатуров А.Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004. № 1. С. 16-33.
14. Боришполец К.П. Разрыв между Югом и Севером // Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. А.В. Торкунова. Москва: Издательство «Просвещение», 2004. С.311-333.
15. Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний. Москва: Муравей, 2004. 608 с.

■ Исследовательские статьи

16. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. Москва: Московский общественный научный фонд, 1999. 412 с.
 17. Гаджиев К.С. Введение в геополитику. Москва: Логос, 2000. 257 с.
 18. Гаджиев К.С. Геополитика. Москва: Международные отношения, 1997. 383 с.
 19. Громько А. Россия, США, малая Европа (ЕС): конкуренция за лидерство в мире полицентричности // Современная Европа. 2015. № 4 (64). С. 5-14.
 20. Загорский А.В. Разговоры об угрозе со стороны НАТО не имеют под собой реальной военной основы. Россия и Запад: Внешняя политика Кремля глазами либералов / под общ. ред. И.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009. С. 10–18.
 21. Ильин М.В. Политический дискурс: слова и смыслы // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 127-140.
 22. Ильин М.В., Кудряшова И.В. Суверенитет. Трансформация понятий и практик. Москва: МГИМО, 2008. 228 с.
 23. Кокошин А.А. Реальный суверенитет. Москва: Издательство «Европа», 2006. 180 с.
 24. Кортунов С.В. Россия на пути к мировому лидерству // Безопасность Евразии. 2008. № 4. С. 7-35;
 25. Косолапов Н.А. Россия и новый мировой порядок в отсутствие левой альтернативы // Российская наука международных отношений: новые направления / Под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М.: Пер Се. 2005. С.175-200.
 26. Костюнина Г.М. Интеграционные процессы в Западном полушарии. Москва: МГИМО, 2014. 318 с.
 27. Кувалдин В. Б. Глобализация: рождение мегаобщества // Постиндустриальный мир и Россия / Хорос В.Г., Красильщиков В.А. (ред.). Москва, Эдиториал УРСС. 2001. С. 105-116;
 28. Кулагин В.М. Мир в XXI в.: многополюсный баланс сил или глобальный Pax Democratica (Гипотеза демократического мира в контексте альтернатив мирового развития) // Полис. 2000. № 1. С. 23-37.
 29. Кулагин В.М. Россия – США. Кое-что начинает получаться // Международная жизнь. 2001. № 12. С.10-18.
 30. Лебедева М.М. Мировая политика. Москва: Аспект Пресс, 2003. 351 с.
 31. Лебедева М.М. Система политической организации мира: «идеальный шторм» // Вестник МГИМО, 2016. № 2. С. 125-133.
 32. Лебедева М.М. Формирование новой политической структуры мира и место России в ней // Мегатренды мирового развития / М.В. Ильин, В.Л. Иноземцев (ред.). М.: Экономика, 2001. С. 152-169.
 33. Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. «Переходный возраст» современного мира // Международная жизнь. 1999. № 10. С. 76-84.
 34. Лебедева М.М., Харкевич М.В., Касаткин П.И. Глобальное управление. Москва: МГИМО-университет, 2013. 219 с.
 35. Леонов Н.С. Холодная война против России. Массово-политическое издание. Москва: Издательство Эксмо Алгоритм, 2010. 240 с.
 36. Лидерство и конкуренция в мировой системе: Россия и США / Отв. ред. А.Д. Богатуров, Т.А. Шаклеина. М.: Красанд, 2010. 352 с.
 37. Лунев С.И. Индийская цивилизация в глобализирующемся мире // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 3. С. 74-83.
 38. Лотман М.Ю. Семиотика культуры в тартуско-московской семиотической школе //История и типология русской культуры. 2002. С. 5-20.
 39. Мельвиль А.Ю. Внешние и внутренние факторы демократических транзитов. Москва: МГИМО, 1999. 54 с.
 40. Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности // Индекс безопасности. 2011. Том 17. № 2 (97). С. 45-53.
 41. Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость. Москва: Российская газета, 2009. 240 с.
 42. Примаков Е.М. Мир после 11 сентября. Москва: Мысль, 2002. 200 с.
 43. Рогозин Д.О. Новые измерения международной безопасности и проблемы урегулирования в Афганистане. После 11 сентября (сборник статей и документов). Москва. Совет по внешней политике. Комитет Государственной Думы по внешней политике. 2001. URL: <http://velikoross.org/wp-content/uploads/2014/05/mir-posle-11-sentyabrya-2001.pdf>
 44. Семенов И.С. (ред.). Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития. В 2-х томах. М.: ИМЭМО РАН, 2014. 648 с.
 45. Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. М.: МОНФ, 1999. 146 с.
 46. Темников Д.М. Понятие мирового лидерства в современном политическом дискурсе // Международные процессы. 2003. № 2. С. 80-90.
 47. Цыганков А.П. Российская теория международных отношений: Какой ей быть? // Сравнительная политика. 2014. № 2. С. 65-83.
-

48. Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991-2002). Москва: Институт США и Канады РАН, 2002. 445 с.
49. Шаклеина Т.А., Богатуров А.Д. Место реализма в российских исследованиях международных отношений. Российская наука международных отношений: новые направления // Под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М: Пер Се. 2005. С. 123-146.
50. Штоль В.В. Армия «нового мирового порядка». М.: ОГИ, 2010. 384 с.
51. Эткин А. М. Внутренняя колонизация: Имперский опыт России. Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
52. Alker H., Biersteker Th. The Dialectics of World Order: Notes for a Future Archeologist of International Savoir Faire // International Studies Quarterly. 1982. Vol. 28, No. 2. Pp. 121–142.
53. Katzenstein P., Sil R. Eclectic Theorizing in the Study and Practice of International Relations. Oxford Handbook of International Relations, Oxford: Oxford University Press, 2008. Pp. 110-130.
54. Lapid Y. The third debate: On the prospects of international theory in a post-positivist era //International Studies Quarterly. 1989. Vol. 33. No. 3. Pp. 235-254.
55. Makarychev A., Morozov V. Is "Non-Western Theory" Possible? The Idea of Multipolarity and the Trap of Epistemological Relativism in Russian IR // International Studies Review. 2013. Vol. 15, no. 3. Pp. 328-350.
56. Neumann I. B. Russia and the idea of Europe: a study in identity and international relations. Psychology Press, 1996.
57. Sergeev V.M., Akimov V.P., Lukov V.B., Parshin P.B. Interdependence in a Crisis Situation. A Cognitive Approach to Modelling the Caribbean Crisis // Journal of Conflict Resolution. 1990. Vol.34. No. 2. Pp. 179-207.
58. Shakleina T.A., Bogaturov A.D. The Russian Realist school of International Relations // New Directions in Russian International Studies / Ed. by Andrei P. Tsygankov, Pavel A. Tsygankov. Stuttgart: Ibidem Verlag, 2005.
59. Trenin D. The End of Eurasia. Washington, D.C.: Carnegie Moscow Center, 2001. URL: <http://jozefdarski.pl/uploads/zalacznik/7134/dmitritrenin-theendofeurasiarussiaontheborderbetweengeopoliticsandglobalization2002.pdf>
60. Tsygankov A.P. Funding a Civilizational Idea: "West," Eurasia," and "Euro-East" in Russia's Foreign Policy // Geopolitics. 2007. T. 12. № 3. Pp. 375-399.
61. Tsygankov A.P. Whose World Oder? Russia's perception of American ideas after the Cold War. Notre Dame, Ind., 2004.
62. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. A Sociology of Dependence in International Relations Theory: A Case of Russian Liberal IR // International Political Sociology. 2007. Vol. 1, Issue 4. Pp. 307-324.
63. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. Dilemmas and Promises of Russian Liberalism/ Ed. by Andrei P. Tsygankov, Pavel A. Tsygankov. Stuttgart: Verlag, 2005. Pp. 83-106.
64. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. New Directions in Russian International Studies: pluralization, Westernization, and isolationism. New Directions in Russian International Studies / Ed. by Andrei P. Tsygankov, Pavel A. Tsygankov. Stuttgart: Ibidem Verlag, 2005. Pp. 13-35.
65. Wendt A. Quantum Mind and Social Science. Unifying Physical and Social Ontology. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

Об авторах

Лебедева М.М. – д.полит.н., к.псих.н., профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. E-mail: world-politics@mgimo.ru.

Харкевич М.В. – к.полит.н., доцент кафедры мировых политических процессов, МГИМО(У) МИД России. E-mail: kharekvich@mail.ru.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-23-41004

THEORY OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE MIRROR OF CONTEMPORARY RUSSIAN INTERNATIONAL STUDIES

Marina M. Lebedeva, Maxim V. Kharkevich

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article deals with the evolution of Western theories of international relations in the post-Soviet Russia, it analyzes the world view of Russian international scholars, as well as their reflection on the epistemological foundations of the probable Russian IR school. It states that pluralization of theoretical approaches continues in Russia, while liberalism is gradually giving up to realism on the way to the dominant theory. Constructivism is gaining popularity and postmodernism remains without followers. Russian international studies are structured by a long-standing debate about the identity of Russia. "Westerners" continue to argue with "Slavophiles." Sometimes these arguments translate into a cry for building independent national school of international relations, thereby exacerbating the problem of epistemological relativism. The bases for the school may be found in Russian spiritual philosophy, the Tartu-Moscow school of semiotics, Russian cultural studies, postcolonial tradition of national historical science.*

Key words: theory, Russia, epistemological pluralism, national schools.

References

1. Alekseeva T.A. *Sovremennaiia politicheskaia mysl' (20-21 vv.). Politicheskaia teoriia i mezhdunarodnye otnosheniia* [Modern political thought (XX-XXI centuries). Political theory and international relations]. Moscow: Aspect Press, 2015. 623 p. (In Russian).
2. Alekseeva T.A., Mineev A.P., Loshkarev I.D. «Zemlia smiateniia»: kvantovaia teoriia v mezhdunarodnykh otnosheniakh? ["Land of confusion": the quantum theory in international relations?] *MGIMO Review of International Relations*. 2016. No 3. Pp. 7-16. (In Russian).
3. Il'in M.V., Kudriashova I.V. (Eds.). *Asimetriia mirovoi sistemy suvereniteta. Zony problemnoi gosudarstvennosti* [The asymmetry of the global system of sovereignty. Areas of concern statehood]. Moscow: MGIMO-University Press, 2011. 248 p. (In Russian).
4. Afontsev S.A. *Budushchee global'nogo upravleniia* [The future of global governance]. Moscow: RCFR, 2013. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2517#top-content (In Russian).
5. Afontsev S.A., Lebedeva M.M. (red.). *Rossia v sovremennykh integratsionnykh protsessakh* [Russia in the modern integration processes]. Moscow: MGIMO-University Press, 2014. 312 p. (In Russian).
6. Baikov A.A. *Sravnitel'naia integratsiia. Praktika i modeli zarubezhnoi integratsii v zarubezhnoi Evrope i tik-hookeanskoi Azii* [Comprehensive integration. Practice and foreign models of integration in Europe and overseas Asia Pacific]. Moscow: Aspect Press, 2012. 256 p. (In Russian).
7. Barabanov O.N., Golitsyn V.A., Tereshchenko V.V. *Global'noe upravlenie* [Global governance]. Moscow: MGIMO-University Press, 2006. 256 p.
8. Baranovskii V. G. *Osnovnye parametry sovremennoi sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii (Chast' I)*. [Basic parameters of the modern system of international relations (Part I)]. *Polis. Political studies*. 2012. No 3. Pp. 36-44. (In Russian).
9. Baranovskii V. G. *Osnovnye parametry sovremennoi sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii. Chast' II. Kachestvennye parametry* [Basic parameters of the modern system of international relations. Part II. Qualitative parameters]. *Polis. Political studies*. 2012. No 4. Pp. 63-73. (In Russian).
10. Baranovskii V. G. *Osnovnye parametry sovremennoi sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii (Chast' III). Funktsionirovanie mezhdunarodnoi sistemy* [Basic parameters of the modern system of international relations (Part III). The functioning of the international system] *Polis. Political studies*. 2012. No. 5. Pp. 148-158. (In Russian).
11. Bakhtin M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow: Literature, 1972. 470 p. (In Russian).
12. Berdiaev N.A. *Russkaia ideia: Osnovnye problemy russkoi mysli XIX veka i nachala XX veka* [Russian idea: The main problems of Russian thought of the 19th century and early 20th century]. Moscow: Azbuka-Attikus, 2015. 320 p. (In Russian).
13. Bogaturov A.D. *Poniatie mirovoi politiki v teoreticheskom diskurse* [The concept of world politics in the theoretical discourse] *International processes*. 2004. No 1. Pp. 16-33. (In Russian).

14. Borishpolets K.P. Razryv mezhdu lugom i Severom [The gap between the South and the North]. *Contemporary International Relations and World Politics*. Ed. A.V. Torkunov. Moscow: Education Publisher, 2004. Pp. 311-333. (In Russian).
15. Voskresenskii A.D. Kitai i Rossiia v Evrazii: istoricheskaia dinamika politicheskikh vzaimovliianii [China and Russia in Eurasia: historical dynamics of political interferences]. Moscow: Ant, 2004. 608 p. (In Russian).
16. Voskresenskii A.D. Rossiia i Kitai: teoriia i istoriia mezhgosudarstvennykh otnosheniia [Russia and China: theory and history of interstate relations]. Moscow: Moscow Public Science Foundation, 1999. 412 p. (In Russian).
17. Gadzhiev K.S. Vvedenie v geopolitiku [Introduction to geopolitics]. Moscow: Logos, 2000. 257 p. (In Russian).
18. Gadzhiev K.S. Geopolitika [Geopolitics]. Moscow: International Relations, 1997. 383 p. (In Russian).
19. Gromyko A. Rossiia, SShA, malaia Evropa (ES): konkurentsiia za liderstvo v mire polittsentrichnosti [Russia, the United States, a small Europe (EU) competition for leadership in the world polycentric] *Modern Europe*. 2015. 4 (64). Pp. 5-14. (In Russian)
20. Zagorskii A.V. Razgovory ob ugroze so storony NATO ne imeiut pod soboi real'noi voennoi osnovy. Rossiia i Zapad: Vneshniaia politika Kremliia glazami liberalov [Talking about the threat from NATO are without a real military base. Russia and the West: the Kremlin's foreign policy through the eyes of the liberals]. Ed. by M. Kliamkin: Fund "Liberal Mission", 2009, pp 10-18. (In Russian).
21. Il'in M.V. Politicheskii diskurs: slova i smysly [Political Discourse: Words and Meanings] *Polis. Political studies*. 1994. № 1. Pp. 127-140. (In Russian).
22. Il'in M.V., Kudriashova I.V. Suverenitet. Transformatsiia poniatii i praktik [Sovereignty. The transformation of concepts and practices]. Moscow: MGIMO-University Press, 2008. 228 p. (In Russian).
23. Kokoshin A.A. Real'nyi suverenitet [Real sovereignty]. Moscow: "Europe" Publishing House, 2006. 180 p. (In Russian).
24. Kortunov S.V. Rossiia na puti k mirovomu liderstvu [Russia on the path to global leadership] *Security of Eurasia*. 2008. No 4. Pp 7-35. (In Russian).
25. Kosolapov N.A. Rossiia i novyi mirovoi poriadok v otsutstvie levoi al'ternativy [Russia and the new world order in the absence of a left alternative] *Russian science of international relations: new directions*. Ed. A.P. Tsygankov, P.A. Tsygankov. Moscow: Per Se. 2005. Pp.175-200. (In Russian).
26. Kostyunina G.M. Integratsionnye protsessy v Zapadnom polusharii [Integration processes in the Western Hemisphere]. Moscow: MGIMO-University Press, 2014. 318 p. (In Russian).
27. Kuvaldin V. B. Globalizatsiia: rozhdenie megaobshchestva [Globalization: birth megaobshchestva] in *Postindustrial'nyi mir i Rossiia* [Post-industrial world, and Russia] Ed. by Horos V.G., Dyers V.A. Moscow, URSS Publ. 2001. Pp 105-116. (In Russian).
28. Kulagin V.M. Mir v 21 v.: mnogopoliusnyi balans sil ili global'nyi Pax Democratica (Gipoteza demokraticeskogo mira v kontekste al'ternativ mirovogo razvitiia) [The world in 21: multipolar balance of power or global Pax Democratica (hypothesis of a democratic peace in the context of global development alternatives)]. *Polis*. 2000. № 1. Pp. 23-37. (In Russian).
29. Kulagin V.M. Rossiia – SShA. Koe-chno nachinaet poluchat'sia [Russia - USA. Something starts to turn] *International Affairs*. 2001. № 12. Pp.10-18. (In Russian).
30. Lebedeva M.M. *Mirovaia politika* [Global politics]. Moscow: Aspect Press, 2003. 351 p. (In Russian).
31. Lebedeva M.M. Sistema politicheskoi organizatsii mira: "ideal'nyi shtorm" [The system of political organization in the world, "the perfect storm"] *MGIMO Review of International Relations*. 2016. No 2. Pp. 125-133. (In Russian).
32. Lebedeva M.M. Formirovanie novoi politicheskoi struktury mira i mesto Rossii v nei [Formation of a new political structure of the world and Russia's place in it] in *Megatrendy mirovogo razvitiia* [World Development Megatrends] Ed. by M.V. Ilyin, V.L. Inozemtsev (eds.). Moscow: Economics, 2001. Pp 152-169. (In Russian).
33. Lebedeva M.M., Mel'vil' A.Iu. «Perekhodnyi vozrast» sovremennogo mira ["Transitional Age" of the modern world] *International Affairs*. 1999. № 10. Pp. 76-84. (In Russian).
34. Lebedeva M.M., Kharkevich M.V., Kasatkin P.I. *Global'noe upravlenie* [Global governance]. Moscow: MGIMO-University Press, 2013. 219 p. (In Russian).
35. Leonov N.S. *Kholodnaia voina protiv Rossii. Massovo-politicheskoe izdanie* [The Cold War against Russia. Mass-political publication]. Moscow: Eksmo Publishing algorithm, 2010. 240 p. (In Russian).
36. *Liderstvo i konkurentsiia v mirovoi sisteme: Rossiia i SShA* [Leadership and Competition in the global system: Russia and the United States] Ed. By A.D. Bogaturov, T.A. Shakleina. Moscow: KRASAND, 2010. 352 p. (In Russian).
37. Lunev S.I. Indiiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsya mire [Indian civilization in a globalizing world] *World Economy and International Relations*. 2003. No 3. Pp. 74-83. (In Russian).
38. Lotman M.Iu. Semiotika kul'tury v tartusko-moskovskoi semioticheskoi shkole [Semiotics of culture in the Tartu-Moscow school of semiotics] *Istoriia i tipologiia russkoi kul'tury* [History and typology of Russian culture]. 2002. Pp. 5-20. (In Russian)

■ Исследовательские статьи

39. Mel'vil' A.Iu. *Vneshnie i vnutrennie faktory demokraticeskikh tranzitov* [External and internal factors of democratic transitions]. Moscow: MGIMO-University Press, 1999. 54 p. (In Russian).
 40. Nikitina Iu.A. ODKB i ShOS kak modeli vzaimodeistviia v sfere regional'noi bezopasnosti [CSTO and SCO as a model of interaction in the sphere of regional security] *Security Index*. 2011. Vol. 17. No. 2. Pp. 45-53. (In Russian).
 41. Primakov E.M. *Mir bez Rossii? K chemu vedet politicheskaja blizorukost'* [World without Russia? Where does the political short-sightedness]. Moscow: The Russian newspaper, 2009. 240 p. (In Russian).
 42. Primakov E.M. *Mir posle 11 sentiabria* [The world after September 11th]. Moscow: Thought Publ., 2002. 200 p. (In Russian).
 43. Rogozin D.O. *Novye izmereniia mezhdunarodnoi bezopasnosti i problemy uregulirovaniia v Afganistane. Posle 11 sentiabria* [New dimensions of international security and the settlement of the problem in Afghanistan. After September 11]. Moscow: The Council on Foreign Relations. The State Duma Committee on Foreign Relations. 2001. URL: <http://velikoross.org/wp-content/uploads/2014/05/mir-posle-11-sentyabrya-2001.pdf> (In Russian).
 44. Semenenko IS (Eds.). *Global'nyi mir: k novym modeliam natsional'nogo i regional'nogo razvitiia* [The global world: new models of national and regional development]. In 2 vols. Moscow: IMEMO, 2014. 648 p. (In Russian).
 45. Sergeev V.M. *Demokratiia kak peregovornyi protsess* [Democracy as a process of negotiations]. Moscow: MONF Publ., 1999. 146 p. (In Russian).
 46. Temnikov D.M. *Poniatie mirovogo liderstva v sovremennom politicheskom diskurse* [World leadership concept in today's political discourse] *International processes*. 2003. No. 2. Pp. 80-90. (In Russian).
 47. Tsygankov A.P. *Rossiiskaia teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii: Kakoi ei byt'?* [Russian theory of international relations: What's it to be?] *Comparative Politics*. 2014. No. 2. Pp. 65-83. (In Russian).
 48. Shakleina T.A. *Rossii i SShA v novom mirovom poriadke. Diskussii v politiko-akademicheskikh soobshchestvakh Rossii i SShA (1991-2002)* [Russia and the United States in the new world order. Discussions in the political and academic communities of Russia and the United States (1991-2002)]. Moscow: Institute of USA and Canada Studies, 2002. 445 p. (In Russian).
 49. Shakleina T.A., Bogaturov A.D. *Mesto realizma v rossiiskikh issledovaniakh mezhdunarodnykh otnoshenii*. [Place of realism in Russian studies in international relations] *Rossiiskaia nauka mezhdunarodnykh otnoshenii: novye napravleniia* [Russian science of international relations: new directions] Ed. by A.P. Tsygankov, P.A. Tsygankov. Moscow: Per Se. 2005. Pp 123-146. (In Russian).
 50. Shtol' V.V. *Armiia «novogo mirovogo poriadka»* [The army of the "new world order"]. Moscow: OGI, 2010. 384 p. (In Russian).
 51. Etkind A. M. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Polity, 2011.
 52. Alker H., Biersteker Th. The Dialectics of World Order: Notes for a Future Archeologist of International Savoir Faire. *International Studies Quarterly*. 1982. Vol. 28, No. 2. Pp. 121-142.
 53. Katzenstein P., Sil R. *Eclectic Theorizing in the Study and Practice of International Relations. Oxford Handbook of International Relations*. Oxford: Oxford University Press, 2008. Pp. 110-130.
 54. Lapid Y. The third debate: On the prospects of international theory in a post-positivist era. *International Studies Quarterly*. 1989. Vol. 33. No. 3. Pp. 235-254.
 55. Makarychev A., Morozov V. Is "Non-Western Theory" Possible? The Idea of Multipolarity and the Trap of Epistemological Relativism in Russian IR. *International Studies Review*. 2013. Vol. 15, no. 3. Pp. 328-350.
 56. Neumann I.B. *Russia and the idea of Europe: a study in identity and international relations*. Psychology Press, 1996.
 57. Sergeev V.M., Akimov V.P., Lukov V.B., Parshin P.B. Interdependence in a Crisis Situation. A Cognitive Approach to Modelling the Caribbean Crisis. *Journal of Conflict Resolution*. 1990. Vol.34. No. 2. Pp. 179-207.
 58. Shakleina T.A., Bogaturov A.D. The Russian Realist school of International Relations in *New Directions in Russian International Studies*. Ed. by Andrei P. Tsygankov, Pavel A. Tsygankov. Stuttgart: Ibidem Verlag, 2005.
 59. Trenin D. The End of Eurasia. Washington, D.C.: Carnegie Moscow Center, 2001. URL: <http://jozefdarski.pl/uploads/zalacznik/7134/dmitritrenin-theendofeurasiarussiaontheborderbetweengeopoliticsandglobalization2002.pdf>
 60. Tsygankov A.P. Funding a Civilizational Idea: "West," Eurasia," and "Euro-East" in Russia's Foreign Policy. *Geopolitics*. 2007. Vol. 12. No. 3. Pp. 375-399.
 61. Tsygankov A.P. *Whose World Oder? Russia's perception of American ideas after the Cold War*. Notre Dame, Ind., 2004.
 62. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. A Sociology of Dependence in International Relations Theory: A Case of Russian Liberal IR. *International Political Sociology*. 2007. Vol. 1, No. 4. Pp. 307-324.
-

63. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. *Dilemmas and Promises of Russian*. Stuttgart: Verlag, 2005. Pp. 83-106.
64. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. New Directions in Russian International Studies: pluralization, Westernization, and isolationism in *New Directions in Russian International Studies*. Ed. by A.P. Tsygankov, P.A. Tsygankov. Stuttgart: Ibidem Verlag, 2005. Pp. 13-35.
65. Wendt A. *Quantum Mind and Social Science. Unifying Physical and Social Ontology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

About the authors

Marina M. Lebedeva – Ph. D. (Psychology), Dr. of Science (Political Sci.), Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO-University. E-mail: World_Politics@MGIMO.ru.

Maxim V. Kharkevich – PhD in Political Science, Associate Professor of World Politics, MGIMO-University. E-mail: kharkevich@mail.ru.

This article was prepared with the support of the grant number 16-23-41004 RHF.